

ТОМСКИЙ

Томский Павел Александрович — персонаж повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», молодой князь, внук старой графини; поначалу кажется второстепенной фигурой, кем-то вроде игрока Нарумова (который «посредничает» между главным героем, Германном, и миром карточных игроков).

Сюжетная роль Томского действительно ничтожна и сугубо служебна. Он появляется в первой главе — только для того, чтобы рассказать картежному сообществу историю о трех картах, тайну которых открыл его бабке Сен-Жермен и которую та, отыгравшись, лишь однажды передоверила некоему Чаплицкому. Во второй главе Томский появляется в доме бабки — и вновь для того лишь, чтобы бедная воспитанница Лизавета Ивановна «смогла» проговориться о военном инженере, заинтересовавшем ее, а старая графиня — попросить внука о присылке русских романов. В четвертой главе Лизавета Ивановна вспоминает о мазурке с Томским (на которую она была приглашена «в отместку» дующейся невесте князя); во время мазурки кавалер ненароком выбалтывает даме столь важные для нее сведения о Германне. Наконец, в Заключении Томскому посвящена последняя фраза повести: «произведен в ротмистры и женится на княжне Полине».

Томский — подчеркнуто пустой, светский, безличный человек; он ни добр, ни зол, ни умен, ни глуп; его невеста даже по имени неотличима от него — Поль сватается к Полине. Но смысловая нагрузка, лежащая на этот образ в общем замысле повести, необычайно велика. Прежде всего Томский — воплощение того случайно выпадающего счастья, незаслуженного, таинственного, законом которого пытается овладеть бедный инженер Германн. «Праздным счастливецом» именуется он князя; «счастливецам праздным» завидует и Евгений, несчастный герой «Медного всадника», написанного практически одновременно с «Пиковой дамой». Но «праздными счастливецом» именовали себя поэты круга В. Жуковского и К. Батюшкова, — само это выражение «литературно освящено» в знаменитом батюшковском послании «Мои Пенаты».

Именно потому, что Томский совершенно пуст, его удачливость невозможно связать с какой-то «отмеченностью», с наполеоновской дерзостью в овладении судьбой. В том и дело, что успех в этой жизни достается не по заслугам, а просто так, ни за что. И потому «счастливец» Томский, занимая одно из самых скромных мест в сюжетной иерархии, в иерархии смысловой поднимается до уровня героя-антагониста Германна. Между ними проведена насмешливая (но и серьезная одновременно) параллель: на балу Томский выбирает свою даму, — и точно так же, свою пиковую даму будет выбирать за игровым столом Германн. Но «дама» Томского никогда не будет «бита», ибо на самом деле это он выбран судьбой, а не судьба выбрана им.

Однако, связав образ Томского с идеей незаслуженной удачи, Пушкин спешит усложнить проблему. Социальное устройство жизни таково, что случайный успех слишком закономерно, почти автоматически выпадает одним и обходит стороной других. Томский, в отличие от Германна, принадлежит к родовитому, а не служилому дворянству; он от рождения встроен в аристократический ряд, в бесконечную череду «удачников». (Таинственная связь рода Томского с удачей подчеркнута необъяснимым «повышением» его сословного статуса в сравнении с бабкой: она графиня, он князь; за какие исключительные заслуги отец Томского мог быть пожалован новым «званием», не сказано; очевидно, потому, что никаких «заслуг» не было: Томский «продвинут» на одну ступеньку вверх метафизически, а не социально. Кроме того, случайно или нет, но Пушкин трижды «по ошибке» именуется саму графиню — княгиней; если это сделано сознательно, то

с одной целью: окончательно «спутать карты», разлучить тему социальной удачи с какой бы то ни было рациональной основой.)

Германну не о ком помнить — его биография в повести ограничена кратким упоминанием об отце, да и то лишь в связи с темой наследства. Он, подобно все тому же Евгению, думает не о предках, но (в разговоре с графиней) только о своих потомках, которых у него нет и никогда, как выясняется, не будет. За Томским стоят несколько поколений; он «прописан» в прошлом, настоящем и будущем. И как везло его бабке, так везет и ему, так будет везти его детям и внукам. В последней фразе «собственно» повести (перед заключением) сказано: «Игра пошла своим чередом» — и эта противоречивая формула (у игры не может быть череда; она «обязана» быть постоянно-внеочередной, непредсказуемой) тут же подтверждена итогом сюжетной линии Томского: «произведен в ротмистры и женится на княжне Полине». Этот социальный автоматизм и провоцирует Германна на мысль о тайной закономерности случая; и то, что именно от Томского слышит он историю о трех картах, в конце концов его и погубившую, — столь же случайно, сколь и закономерно.